



15 апреля 2019 года мы отмечаем день рождения Николая Степановича Гумилёва, великого русского поэта, переводчика, теоретика русской поэзии, главы направления акмеистов, исследователя Африки, отважного воина, военного разведчика, героя Первой Мировой войны, кавалера двух Георгиев, дворянина, сохранившего верность присяге Императору Николаю II и Российской Империи. Десятилетия запретов на публикацию произведений Николая Гумилёва, расстрелянного в 1921 году как «контрреволюционера и классового врага», не смогли помешать их распространению в СССР в рукописном и машинописном виде, в «самиздате». Наконец, с начала 1990-х сочинения русского классика стали доступны не только по зарубежным изданиям, а были опубликованы у нас, в возрождающейся России. Любовь к его имени продолжала существовать во всех слоях общества, независимо от происхождения и партийной принадлежности. Мы сочли уместным отметить 133-летие со дня рождения поэта, поместив на наших страницах стихи одного из авторов «Невского Альманаха», поэта и барда Николая Николаевича Брауна, посвящённые Николаю Гумилёву.

Содержание стихов, составивших этот цикл, объединяет легендарная, хранящая неразгаданные тайны, личность и судьба Николая Гумилёва.

Первое стихотворение было изъято у меня 15 апреля 1969 года, в день моего ареста, который совпал с датой рождения поэта. Оно вменялось мне следствием как «прославляющее участника контрреволюционного белогвардейского заговора», в числе других стихов, подпадающих под статью 70-ю УК РСФСР: «Антивоветская агитация и пропаганда». Процесс в тогдашнем Ленгорсуде был «закрытым» и «показательным». Прорекламировав, по просьбе судьи, это стихотворение, я увидел, стоя над скамьёй подсудимых, что сидящие в зале кагебисты в военной форме энергично кивают, выражая согласие, как я подумал, с моим исполнением. Или, что более вероятно, согласие с моим арестом. Ведь тогда фамилия Гумилёва иначе как заклятого врага большевизма и не упоминалась. Моя декламация была обращена также к находящемуся в зале моему отцу, замечательному поэту Николаю Леопольдовичу Брауну, с 1920 года посещавшему занятия Гумилёва в «Цехе поэтов», причём моё стихотворение ему, вызванному в суд в качестве свидетеля, ещё не было известно.

Побывав в тюрьме на Шпалерной за год во многих камерах, я пытался представить, в каком из двух корпусов и на каком этаже мог содержаться Гумилёв, подвергаясь допросам в течение августа 1921 года. Вспоминал его стихи, знакомые мне с отроческих лет, поскольку его книги хранились в нашей семье, уцелев в годы обысков и в блокаду. В 1950-е – 60-е годы я старался расспросить о Николае Гумилёве тех, кто знал его лично, сначала моего отца, затем поэта Всеволода Рождественского, который был секретарём «Цеха поэтов», затем Иду Наппельбаум, регулярно посещавшую «Цех поэтов», где Гумилёв вёл занятия. Все мои собеседники оказывались поначалу неразговорчивыми, но постепенно я смог



*Н.С. Гумилёв.
Декабрь 1914 г., Царское Село*

¹ Подробно об авторе – в «Невском альманахе» №5, за 2018 г., с. 3–16.

их «разговорить» и, как благодарный слушатель, узнавал всё больше и больше. Отдельные вопросы мне удалось задать и Анне Ахматовой, с которой я был хорошо знаком и встречался многократно.

Во втором стихотворении речь идёт о портсигаре Гумилёва, который я многократно и не спеша держал в руках. При аресте Гумилёв не взял его с собой, и жена его, Анна Николаевна Энгельгарт, передала его Иде Наппельбаум в благодарность за то, что она носила передачи в тюрьму ВЧК на Шпалерной. Ведь было опасение, что Энгельгарт, как его жену, могут внезапно арестовать. Этот портсигар участвовал в занятиях «Цеха поэтов». Гумилёв, рассказывая, привычно отбивал по нему папиросой нравящийся ему ритм. Папирос у портсигара, хранившемся как реликвия у Иды Наппельбаум, в 1960-е годы, конечно, уже не было. Несмотря на преклонный возраст, владелица портсигара, считавшая себя ученицей «Мэтра», была допрошена по моему делу, в связи с изъятием у нее при обыске моими антикоммунистическими стихами, среди них было и посвящённое памяти Гумилёва. Во время слушания «Дела Н.Н. Брауна и других» осенью 1969 года она была вызвана в суд и дала стихам свою оценку, публично назвав их с кафедры свидетеля «слабой России». Стихотворение о портсигаре было написано в 1971 году в мордовском политлагере Барашево, в год 50-летия бессудного убийства поэта, о чём сбылось его предсказание в стихах: никто не узнает, «В какой болотине проклятой» его «закончится дорога».

Совершенно невероятный, на первый взгляд, случай, явился сюжетом стихотворения «В клубе лагерном». Случай этот произошёл в 1973 году в уральском пермском политлагере Кучино, то есть учреждении ВС 385/36. Неожиданным для читателя, может быть, является уже тот факт, что мы, русские единомышленники, православные антикоммунисты, отмечали в политлагере предстоящий день рождения Николая Гумилёва. Отмечали в лагерном клубе, где была кинобудка. И во время чтения мною стихотворения Гумилёва «Победа» политлагерный киномеханик Генрих Брунмаер поставил пластинку с голосом Есенина, читающим «Монолог Хлопуши» из поэмы «Пугачёв». Пластинку эту, недавно выпущенную в СССР, передал мне, по моей просьбе, при лагерном свидании в Кучино мой отец, Николай Браун-старший, хорошо знавший Есенина лично. Он же, при его абсолютном музыкальном слухе, воспроизводил мне, задолго до ареста, авторское чтение поэтов, которых видел и слышал в аудиториях, в том числе Гумилёва. Это называлось в узком кругу друзей «брауновской устной фонотекой». У меня был образец для подражания. И случилось почти невероятное: и есенинский голос, и исполнение мною гумилёвского стихотворения «Наступление» в гумилёвской манере зазвучали одновременно – в уральском лагерном клубе! Это была звучащая встреча двух поэтов великой гибельной эпохи, двух вершин русской поэзии!

О стихотворении «Вблизи расстрела Гумилёва»

Через четверть века, в 1997-м, «перестроечном» году в Бернгардовке, неподалёку от предполагаемого места расстрела поэта, была проведена очередная панихида, совместно с собравшимися там монархистами и местными жителями. Служил отец Игорь из храма во Всеволожке. Панихиды эти проводились с 1991 года по инициативе монархистов «Российского Имперского Союза-Ордена», которым я имел честь руководить, мы приехали сюда с трёхцветным Имперским знаменем, на котором Двуглавый Орёл в жёлтом квадрате у древка, и с иконой Государа Императора, а часть наших соратников обычно была в армейской форме образца 1914 года. Вдруг один из местных жителей, мужик двухметрового роста, с военной выправкой, по окончании панихиды с воодушевлением воскликнул: «Кажись, вернулись... наши!», и позвал нас, имперцев-монархистов, со знаменем к себе. При этом заранее пригрозив угрошению со щедрой закуской («...четырёх курей зарезал для гостей!») и с большой бутылкой самогона. В застолье он рассказал, как его отец, потомственный казак, был «изрублен шашками красных» в вагоне на этапе вместе с другими, части их тел оказались выброшенными на железнодорожную насыпь по ходу движения поезда. Это было ещё одним страшным свидетельством о братоубийственных деяниях большевиков, неподалёку от мест массовых расстрелов 96 участников «Петроградской Боевой Организации», к которой палаческим следствием ВЧК был причислен и Николай Гумилёв. Причислен как «соучастник», такова надпись на его личном «Деле №214224», приложенном к остальным 382-м томам.

В 1992 году один из жителей Бернгардовки, Павел Пекур, поставил на берегу реки Лубьи сварной железный крест именно на том месте, где в августе ежегодно происходили собрания уже упомянутых монархистов, потомков дворян, казаков «Союза Казачьих Войск России и Зарубежья», поэтов и почитателей Николая Гумилёва. Там же, ещё раньше, местной жительницей Тамарой Левкович были положены доставленные, по её договорённости с бульдозеристом, гранитные камни в память о нескольких выдающихся поэтах, «убитых коммунистическим режимом». Гумилёв, верный присяге Государю, при режиме царей и бесстрашно заявлял себя монархистом, и упомянутый состав собиравшихся здесь наиболее соответствовал памяти о поэте. Об этой «вахте памяти» на берегу Лубьи и сказано в стихотворении «У памятного креста».

Жизненный путь Николая Степановича Гумилёва как отважного воина Первой Мировой войны, кавалера «двух Георгиев», и как выдающегося поэта России, убитого

Её интернациональными врагами, стал вдохновляющим примером в подсоветские десятилетия для многих русских людей. В том числе для ушедших в вынужденную эмиграцию с оружием в руках. Его служение Императорской России и служение русской поэзии стали его воинским и жертвенным подвигом, «путём Гумилёва». Так возникло название последнего стихотворения и всего цикла.

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ ГУМИЛЁВА¹

Не у водополя, где буйволов стадо,
И не под дикарский напев зурны,
А в осенних окрестностях Петрограда,
Где над заводью речною три тихих сосны.

И не к африканским водопадам
Слова его были обращены,
А к единоверцам, стоящим рядом,
С локтями, связанными у спины.

Не конквистадор, чье скрыто имя,
Над бездной в лагах, в сиянии сфер,
А с двумя Георгиями боевыми
Империи Российской офицер.

Конная разведка, полк ли гусарский –
Где в Индию Духа купить билет?
Вот расцвел Млечный Путь
над Россией царской
Садом ослепительных новых планет!

Удавка Войны Мировой – всё ту же.
Горит христианский, исламский ли рай?
Уже по мостам, сквозь палачества ужас,
Летит заблудившийся трамвай...

Петербург –
как Помпея под кровавою лавой.
Мастер «Цеха поэтов»,
мэтр, прошедший тюрьму
Словно пытку, –
стяжал он несравненное право,
Точно вождь,
выбирать свою смерть самому!!

...Некому знать, как всё это случилось.
Но для легенд невозможного нет.
Так же, как нет ни холма, ни могилы
Там, где с Отечеством слился Поэт.

4 апреля 1969. Санкт-Петербург

ГУМИЛЁВСКИЙ ПОРТСИГАР

Николая Гумилёва
Петербургский портсигар
Так похож – ну право слово! –
На больших очках футляр,

Точно сотканных из дыма
Экзотичных табаков,
Где круженье серафимов
Над враждой материков.

¹ Стихотворение было изъято у автора при аресте оперативниками КГБ. Инкриминировалось ему следствием, как «прославляющее участника белогвардейского контрреволюционного заговора». Было продекламировано автором по просьбе судьи, в числе других стихов, стоя над скамьёй подсудимых в тогдашнем Ленгорсуде, в декабре 1969 года.

Глянцево-темнокоричнев,
Словно перья у Орла,
Что в бессмертье на орбите
Распростёр свои крыла

Над лавиной лжи и мести,
Что сгубила Петроград...
Он запомнил при аресте
В час ночной – последний взгляд

Воина-великоросса,
Что в мундир легенд одет,
Ритм стиха, что папирисой
Отбивал, как марш, поэт!

*12 марта 1971. Барашево.
Спец-строгий политический лагерь
в Мордовии*

В КЛУБЕ ЛАГЕРНОМ

В клубе лагерном – Гумилёва
Единоверцам читал я – с глазу на глаз, –
Всё о том, как «Господне Слово
Лучше хлеба питает нас»¹.

Ведь фонографа валики восковые
Не сохранили почти ничего,
Даже – как «Золотое сердце России
Мерно билось в груди» его.

Но отец мой,
что в питерском «Цехе поэтов»
Гумилёвское чтение слушал не раз,
Мне манеру торжественную эту,
Повторяя на слух, от забвения спас.

И читал, и так мерно строки гудели,
И созвучья их были мне так близки,
Что как будто над нами
«рвались шрапнели»,
«Птиц быстрее» –
перед нами «взлетали клинки».

И Победа, как девушка, разодела
Вновь была «в жемчуга»,
и дымился путь...
...Но нежданно голос другого поэта
Заглушил меня:
«Бешеная, кровавая муть!

Что-о ты? Сме-е-рть?
Иль исцеленье кале-е-кам?»
Вдруг с есенинской читкой из радиоула
Зазвучала пластинка,
как будто обоих поэтов
В этом лагерном зале
судьба не случайно свела!!!

«Проведи-и-те,
пр-р-оведи-и-те меня к нему!...» –
Всё раздольней
Сквозь помехи эпохи
звучал нам Хлопуши² рассказ...

Но в гумилёвской манере
на этом турнире невольном
Читал я,
Как «женщины бредят о нас и только о нас!»

*10 марта 1973. Кучино.
Спец-строгий политический лагерь
на Урале*

ВБЛИЗИ РАССТРЕЛА ГУМИЛЁВА

В Бернгардовке свобода слова
Вблизи расстрела Гумилёва,
Где камень плоский, как плита,
У самодельного креста,

Что сварен был из труб железных, –
Знак на краю расстрельной бездны
От безымянных русских сил,
Кто убиенных не забыл.

Вслед за расправой над Кронштадтом
У кровожаднейшего ката³
Бесовская выграла прыть –
Повсюду заговоры вскрыть!

На речках Лубье, Генералке,
Слышна воронья перепалка,
Где арсенал пороховой
Стоит вдвоём – с травой-вдовой,
Под небом гиблого былого,
Где в тучах – профиль Гумилёва
Превыше всех князящих мер...

Здесь где-то – царский офицер,
Георгиевский кавалер,
Отдал земле всё, кроме чести,
В болотистом безгласном месте!

Здесь вновь стихи его звучат
Вблизи моста, куда отряд
Пришёл – имперцев-монархистов⁴,
К прибрежным травам шелковистым.

Впервые – с тех далёких пор
С Орлом Двуглавым Триколор,
России неделимой Знамя
Над их трепещет головами.

И всеволожцы – тут и там,
Не верят собственным глазам.
Но голос мужика – всех краше:
«Гляди! Кажись, вернулись... наши!»

*27 августа 1997. Бернгардовка.
Берег Лубьи*

У ПАМЯТНОГО КРЕСТА В БЕРНГАРДОВКЕ

Пусть под крестом поэта
нет останков,
Всё помнит Лубьи талая вода...
Пока Русь без Царя, республиканка –
Мы здесь
с Имперским Знаменем всегда!

*25 августа 2004. Бернгардовка.
День памяти Николая Гумилёва*

ПУТЁМ ГУМИЛЁВА

В Войну Мировую,
в разведке, на передовой,
По дымному следу
он шёл в наступление снова,
Под злобный галдёж пулемётов,
шрапнелей неистовый вой –
Путём Гумилёва.

И в «Цехе поэтов»,
где многих учил он стихам,
Как «Мэтр» и учитель, –
державною поступью слова
Он шёл, – перед ним
отступали безбожник и хам! –
Путём Гумилёва.

В ЧеКа на Шпалерной,
где смертная гложет тоска,
Где надо под пыткой
не выдавать ни тени былого,
Он шёл на допрос –
офицерская честь высока! –
Путём Гумилёва.

По «Делу Таганцева» –
всех одинаков удел.
Здесь нет ни пощады,
ни милости ката лихого.
И он, «заговорщик»,
шёл, как монархист, на расстрел –
Путём Гумилёва.

И подвигом русским,
и Слова призывом влеком,
Пройдёт не один,
сбросив зла и безчестья оковы,
Пройдут поколения поэтов
и воинов светлым путём –
Путём Гумилёва!

*24 августа 1996. Келломяки-Комарово.
В Финском заливе на гранитном валуне*

**P.S. Редакция журнала выполнила
просьбу уважаемого автора:**

*В текстах стихов просьба сохранить
все авторские написания больших букв,
например: Император, «Мэтр» (прозвище
Гумилёва в «Звучащей раковине»), Царь,
Российская Империя и прочие слова, где
буквы большие.*

*И ещё просьба: все примечания-сноски
под стихами тоже сохранить, несмотря
на схожие упоминания в предисловии, ведь
стихи могут читаться самостоятельно
и без предисловия.*

Ваш ННБ

¹ Стихотворение Н. Гумилёва «Наступление» (1914).

² Отрывок из «Монолог Хлопуши» в поэме Есенина «Пугачёв» (1922).

³ Красный террор в Петрограде возглавлял Григорий Зиновьев-Гирш-Апфельбаум, председатель Петросовета, глава Коминтерна (1919–1926). По делу «Петроградской Боевой Организации» в 1921 году было расстреляно 96 человек, в их числе Николай Гумилёв.

⁴ Российского Имперского Союза-Ордена.